

29.10.92

Дорман Олег

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Шипит и щелкает под крышкой в сковородке, из крана льется вода, жена разговаривает по телефону, работает телевизор, за окном шумит проспект, пролетает сирена, шелестит газета, звякает масленка, нож, блюда.

ЖЕНА: ...с таким вниманием ко всем словам. Да, думаю. Ведь вот теперь мучаешься ты, а не она. А? Конечно. Погаси! [Это громче, это мне]. Выключи телевизор.

Звенит крышка, оглушительное шипение и выстрелы масла и т. д.

ТЕЛЕВИЗОР: Гвоздем фестиваля в день десятилетия разрушения Стены стал парад ветеранов второй мировой войны. Сегодня утром эта небольшая колонна прошла по центральному улице Берлина. Многие из них прибыли в Германию из...

ЖЕНА: Переставь сковородку, ну, дальше переставь, ну, брызгавай!.. [В трубку:] Сейчас, я не слышу, он тут... Я: Кто это кому?

Шипение стихает.

ЖЕНА: Да... Права... Да. Просто каждый думает о своих интересах. [С фальшивым смиренным]. И, знаешь, ничего здесь плохого нет, это нормально, к нужно не заблуждаться, а быть реалисткой и твердо...

Я: Что? Что? Что ты лепишь? Ну-ка, прекращай, давай-ка; давай — остывает, — давай, с этой идиоткой...

ЖЕНА [мне]: Тише, ты что? Але, да, я случайно нажала, — слышно счастье — не обольщайся... — В туалет [Это снова мне]. Ты, что, не в мойку! — Ничего, не оторвала, что ты. Это он хочет масло вылить в...

Мои шаги, шум воды в туалете, — я выливаю масло.

ЖЕНА [тише]: Утром была на Молчановке, всё в порядке, нормальная кровь, все, больше не нужно ходить. Я при нем не хотела, я ему не сказала... — нет, это же такая формальность, профилактика просто.

Я возвращаюсь.

ЖЕНА: В общем, держись и еще подумай, да? — Позвони. [Кладет трубку].

ТЕЛЕВИЗОР: Комиссия по правам человека сообщает подробности о порядке работы граждан в архивах бывшего комитета государственной безопасности — эмгэбэ-энкэвэзэ. Интервью генерального секретаря комиссии генерал-полковника Егорова.

Я: Что же ты какие пошлости... преподаешь!

ЖЕНА [помолчав]: «Лепишь». Мне больше понравилось «лепишь». Я почувствовала себя Камиллой Клодель. Я, видишь ли, родной, в сущности плебейка. Замечал, да? Я с людьми попроще — оттаиваю; и все наносное...

Я: Да ничего наносного... — Погромче. Отпусти. Погромче сделай... Где пуль?

ЖЕНА. Сам.

Я: Выключи воду!

Вода глше, телевизор громче.

ГЕНЕРАЛ ЕГОРОВ: ...особенностей. Поэтому очередь движется так небистро. Есть еще причины. Почти все граждане хотят воспользоваться нашими залами и кабинками для прослушивания. К сожалению, аппаратуры для воспроизведения того типа магнитной ленты, на которую осуществлялась запись с подслушивающих устройств «Зеря — сто ятья» и «Звездочка — шестнадцать», почти не осталось в личном пользовании или, скажем, в районных библиотеках, фонотеках.

ЖЕНА: Ты знаешь, что Землинские ходили туда на прошлой...

Я: Подожди.

ЖЕНА: Неделе.

ГЕНЕРАЛ ЕГОРОВ: Конечно, это всего пятнадцать процентов дел, где есть также и звукоматериалы, но мы не в силах, технически, переписать на диски или кассеты... Да. И вот отвечаю еще на вопрос...

Звои блюдец, стук ножей, трамвай за окном.

ЖЕНА [укоризненно]: Родной...

Я [негромко, чтоб слышеть Егорова]: Потому что не лезь ножом в мед...

ГЕНЕРАЛ ЕГОРОВ: ...почему комплекты пленок не упорядочены, не в хронологическом порядке. Ну, большая их часть, возраст от пятнадцати лет и старше, пролежала тем в хранилище неактуальных дел, это, можно сказать, внутренняя помойка такая. И уже то, что наши сотрудники смогли рассортировать эти миллионы катушек по фамилиям...

Треск электрозавяжалки.

ДИКТОР [женский голос]: Благодарим вас. Много ли неостребованных дел?

ГЕНЕРАЛ ЕГОРОВ: Да.

Треск электрозавяжалки.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Далекий шум душа. Потом тишина, короткий лай за окном, тишина, едва слышимый щелчок задвижки, шаги

жены, короткая тишина, выключенные лампы, шорох одежды, тишина, ее дыхание.

ЖЕНА: На сколько ты зовел?

Я: Почему ты стала закрывать дверь в ванную?.. Что ты, боишься меня?

ЖЕНА: ...Нет-нет, я машинально! [Горько, желая оправдаться].

Молчание.

Я: Ну что ты... ты что... [Пауза]. А знаешь, что я тоже спокоен? Знаешь, я подумал сегодня, что я ведь тоже спокоен... Я боюсь просто, что мы сами позволим себе постареть. Вот все, правда.

ЖЕНА [тихо]: Мы не позволим, мы не позволим... пожалуйста, еще немного, мне нужно еще немного...

Я [перебиваю, весело]: Ну-ка: пётон ву дёмандз, «мне противно с вами спать?»

ЖЕНА: ...Как — «противно?»

Я: Очень противно. Активная лексика, как же ты учишь?

ЖЕНА: Я пылесосила сегодня... Либо ковер, либо язык. Я деградирую с тобой. И без тебя. Тебе к девяти, да?

Пауза. Трамвай за окном.

Я: Ты что-то чувствуешь к нему?

ЖЕНА: Нет... Да.

Я: Но ведь его почти не было.

ЖЕНА: Был. То есть, значит, он есть. Он должен был быть, но не захотел. Восемь месяцев он должен был быть и потом передумал. [Далекая сирена за окном]. Я не знаю, почему; и нет, я ничего к нему не чувствую, ничего. Но когда чувствую, что ничего не чувствую, хочется кричать.

Я целую ее, но она хочет продолжать.

Я была несерьезной к нему. Знаешь, когда это вдруг случилось... Случилось — вдруг. Я повторяю слова, прости меня; — вдруг. Раньше когда во мне было... [Найдя слова]. Когда шел дождь, я знала, почему он идет. Когда солнце — тоже знала. А когда пасмурно... я знала, что это испытание, и потом мы вместе с солнцем... выходили. [Пауза]. А когда стал ты, нет, нет, вообще всё — стало много дел. [Она презрительно выделяет это слово]. Много дел. Я стала занятой, и потом, я стала счастливой.

Я: Мною.

ЖЕНА: Тобой, мой дорогой. [Пауза.] Но оказалось, неверно, я была неправильно счастлива.

Я: Незаслуженно?!

ЖЕНА: Нет... — Я о чем-то забыла, в себе... или вокруг себя. И тогда это было — ВДРУГ. И вообще — поэтому.

Я: Ужасную ты говоришь ерунду! Ты обвиняешь себя в счастье, да? Ты теперь боишься счастья, да?

ЖЕНА: Нет. [Пауза]. Это было не наказание; это было предостережение мне. ...Когда читаешь книгу и вдруг подумавшись: «Вот, я читаю», не можешь читать дальше. Я впервые узнала, что никогда, ни единого раза в своей, назначенной мне жизни не думала вот об этом: зачем! По какому праву? Ах, видите ли, мне хочется детей! На забаву себе — нет, даже на настоящую радость, — не слишком ли жестоко?

Я: Осторожно, будильник.

ЖЕНА: Что я такое смогу передать, чему научить? Тому, как защищаться? Как вечно защищаться?

Я: Осторожно, будильник.

Будильник играет электронную вариацию «К Элизе» и тут же с грохотом летит в стену и молча на пол.

Я: Пиздец.

Пауза.

ЖЕНА [спокойно, тихо]: Я не могу вернуться и захит «просто так». Читать, и не замечать, что читаешь... Пожалуйста, ну, пожалуйста, не нужно... Я уже ничего не смогу вспомнить. Мне надо все теперь решить, все решить заново. Обязательно.

Я: И для меня.

ЖЕНА: Да.

Молчание. Тихий нежный звук. Тишина. Снова.

Я: Ну, что, кто был прав? Вот опять... Сверчок.

ЖЕНА: Это холодильник.

Я: Почему же он днем так не делает?

ЖЕНА: Мы днем не слышим.

Снова.

Я: Я пойду посмотрю все-таки.

ЖЕНА: Не надо.

Опять.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Писк компьютеров. Говор, хлопанье дверей.

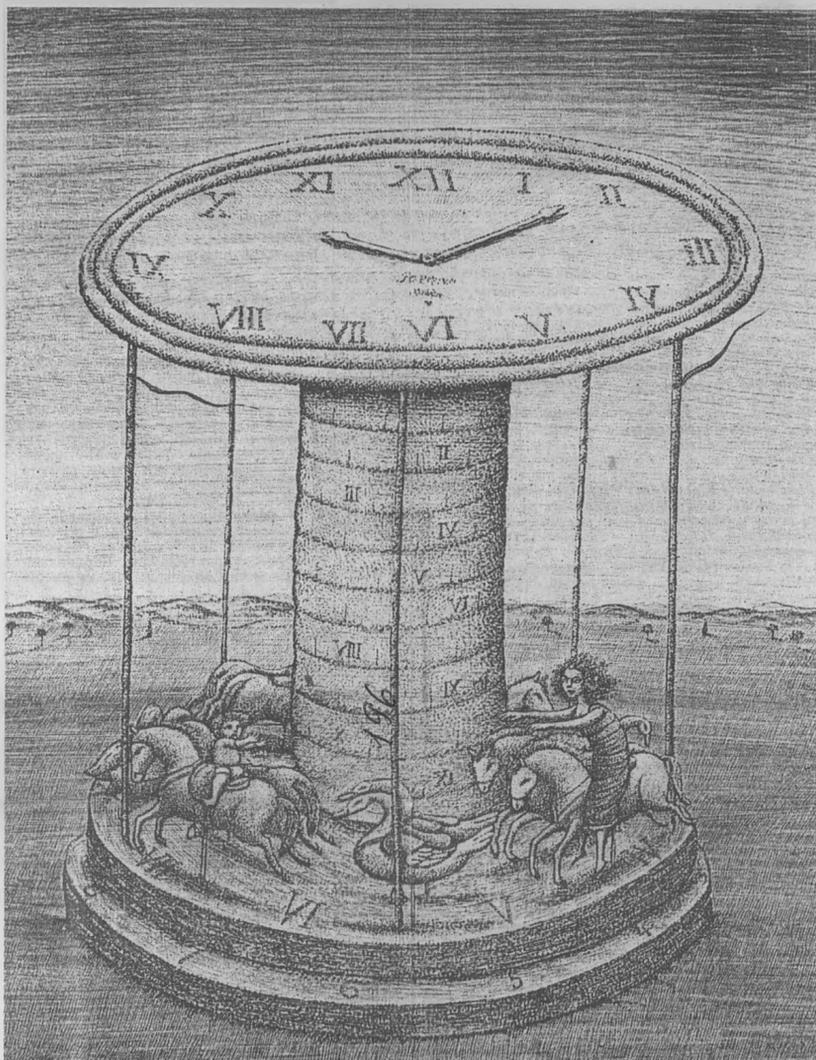
МУЖСКОЙ ГОЛОС: Следующий.

Я: Здравствуйте. Я просто хочу проверить, есть ли что-то.

МУЖСКОЙ ГОЛОС: Вот здесь — свою фамилию. [Пауза.] Какой инициал тут?

Я: Р.

Писк компьютера.

Олег ДОРМАН

ПЬЕСА ДЛЯ РАДИО

МУЖСКОЙ ГОЛОС: Ищите себя.

Я: Это не я... это... Нет.

МУЖСКОЙ ГОЛОС: Вот, в восемьдесят втором — студент зоотехнического!

Я: Нет, не я.

МУЖСКОЙ ГОЛОС: Следующий файл смотрите. Вот!.. Не вы!.. Вас нет. Следующий.

Я: Извините, я могу по фамилии жены посмотреть?

МУЖСКОЙ ГОЛОС: Только наличке. Материалы — ей не руки.

Я: Мм. Пожалуйста. Вот, по девичьей.

Писк компьютера.

МУЖСКОЙ ГОЛОС: Ищите ее.

Пауза.

Я: Нет.

МУЖСКОЙ ГОЛОС: Следующий файл. [Писк].

Пауза.

Я: Нет.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Циферблат уличного телефона. Монета преваливается.

ЖЕНА [в трубку]. Да!

Писк компьютера.

МУЖСКОЙ ГОЛОС: Ищите.

Я [ищу]: Нет...

МУЖСКОЙ ГОЛОС: Точный адрес, номер жэк, телефон.

Я: Кооператив «Советский...» или «Московский» «писатель», метро «Аэропорт». Чернышевского, дом...

МУЖСКОЙ ГОЛОС: Вот смотрите.

Писк компьютера.

Я: Нет. [Пауза]. Есть. Вот.

МУЖСКОЙ ГОЛОС: Врач, поликлиника литературного фонда, терапевт?

Я: Да. А ЧТО... есть?

МУЖСКОЙ ГОЛОС [после писка]: Выборочное прослушивание квартиры... 1972, 1973, 1977 не полностью.

[Писк]. Пять тысяч сорок четыре часа восемнадцать минут без документации.

Я: Сколько? Слушайте, зачем же они слушали врача... — хотя, ну да, ага, да, так, — как это все можно...?

МУЖСКОЙ ГОЛОС: Это в руки квартирномула. А, тут... — значит, наследника.

Я: Это я.

МУЖСКОЙ ГОЛОС: Справочку принесете. Восемь часов по вашему выбору, можете записаться, прослушать у нас, остальное — если найдете аппаратуру — заберите так, либо пишется в очередь, будем переводить на диски, но это... три-четыре года. Либо через свою фирму переводите. Слушать записываетесь?

Я: Да.

МУЖСКОЙ ГОЛОС: Через две недели. Двадцать седьмого декабря, с девяти ноль-ноль, подробности сообщат.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Монета падает на стол.

ЖЕНА: Орел.

Я: Пиши.

Падает монета.

ЖЕНА: Решка.

Я: Пиши.

Монета.

ЖЕНА: Решка.

Я: Пиши... Что получается?

ЖЕНА: Сейчас. Марта... шестнадцатого, семьдесят это... семьдесят третьего. [Пауза. Проплепав за окном — час «пика». Что-нибудь... что это — помнишь?

Я: Мне пять лет. Ничего. [Пауза]. Землинский звонил!

ЖЕНА: Да. Он говорит, наверное, слушал весь дом, не выбирая. Ведь у вас там тогда жили...

Я: Я помню, конечно.

ЖЕНА: Отец же был знаком... да просто, соседи, ненимаешь...

Я: Он их лечил. Да-да, я помню, как у Землинского деда вдруг свинка... Я помню даже, как-то мы с мамой шли вечером из чистки, и стояла во дворе «Волга», без огней, прямо почти у подъезда, в ней сидели двое, в темноте, и еще один говорил с лифтершей, бабушкой, потом сел в другую машину и уехал. И навстречу шла мамина подруга, соседка, они с ней так переглянулись, и мама сказала вроде «кого это слушают»? Я потом ее спросил, она как-то объяснила, что такое «слушают»... и что те, кого слушают, об этом знают, — этого я никак не мог понять. Вот это было для меня...

...Но мои были поаяны, абсолютно. Ну, как все. Вообще, дома говорили обо всем... То есть в общем — ни о чем. Ну, может быть, анекдоты, конечно. Правда, за то, что я в школе рассказывал, мне было от отца... Да, да. Он говорил: «Они же понимают, что это не ты придумал, это значит, ты слышишь это в семье». И кстати, друзей из соседней почти не было... Но приходили — вот приходил дядя Веня, он же люто ненавидел все это, коммунистов, все, и любил обо всех тонкостях этой анатомии... Я не помню, семьдесят какой это год, но они писали, они все это знали! И ничего, в общем. Ничего. Отец ездил в Англию в восьмидесятом, спокойно... [Пауза]. Пять тысяч часов и два дня.

ЖЕНА: Это... погоды ты не будешь выходить; не будешь спать; ты будешь погоды и даже больше слушать, слушать, слушать... Ну успокойся, прошу тебя, пожалуйста.

Я: Я себя чувствую как в греческой трагедии.

ЖЕНА: Ты не должен, ты ничего не должен. Ты послушай столюко, сколько захочешь, когда захочешь, и я с тобой, и я, в если не захочешь — пусть, мы не будем их трогать, пусть они лежат. Пока еще сделают эти диски...

Я: Может быть, вообще все-таки не надо, вообще, это слушать... Ты понимаешь, у меня чувство... к этим пленкам как к чему-то такому значительному, понимаю... — как будто мне назначена личная встреча с Господом Богом, и я знаю, что могу узнать, могу понять что-то самое, важное; мне... я даже не могу представить, что; огромное... Я понимаю еще, что я могу ничего не понять.

Понимаешь, я буду обязан вслушиваться в жизнь, как в детстве, вот когда оставался один, стоял между шкафом там и окном, слушал, не выдвигая себя убийца скрипом половицы в коридоре... Да, ну, тут не убийца... но, может быть, я никогда так напряженно... ведь я

СЦЕНА ПЯТАЯ

Говор, хлопанье дверей. Писк компьютеров.

Я: Я могу посмотреть по своему старому месту житель... ства?

МУЖСКОЙ ГОЛОС: ...Так, здесь — на фамилию квартирномула, девятьте.

Я: Это отца, наверно. Вот, пожалуйста.

МУЖСКОЙ ГОЛОС: Годы?

Я: Ну... конец шестидесятых. И дальше.

в прошлом выбираю только события, какие-то фрагменты, идеи... Это же как пьеса, как кино, — даже если многосерийное, — то все же в нем собрано, подобрано ради смысла, и тебя все время подзывают, чтобы ты не скучал... А тут, тут ведь, тут не скажешь, что автор скучный, что много бессмысленного... Тут можно понять или, не знаю, почувствовать все; зачем скучное, для чего бессмысленное, — все. Тут промывать нельзя... То есть можно, можно, наверное... но чем больше я чувствую, что не хочу этого, вообще не хочу этого, тем больше понимаю, какой я... маленький... на самом деле! На самом деле!

ЖЕНА [после паузы]: Ты же смотришь фотографии. Я: Они выкадрованы.

ЖЕНА: Давай посмотрим твои фотографии. Я: Не надо!

ЖЕНА: Хочешь, я тебе почитаю? Я: Не надо, не надо. Не надо, мне это ни к дьяволу не надо. Все эти их записи в задницу...

ЖЕНА: Хахит. Неخورшо. Я: Особенно мне не надо сейчас этих религиозных интонаций.

ЖЕНА: А что случилось? Что вообще... — ты что, услышишь, как твои родные предают друзей на допросе? Ты что, услышишь какой-то позор?

Телефонный звонок. Мы не берем. Еще.

ЖЕНА: Да? Да. [Передает мне трубку]. Землинский. Я: Не надо... Ну... [Беру]. Вадик! Да... Да. [Перебиваю]. Вадик, родной, а что ты собираешься делать со всем этим хозяйством?... Нет, нет, родной, с магнитофонными АТ Миклуш Святкой! Конечно, что было писать твоего дедушку, героя прилического труда! А? А что было писать врача, Вада, что было — пять тысяч часов и два дня будильника по утрам, бритвы «Спутник», разговоры о болезнях, разговоры об обеде, разговоры об ужине, разговоры о рецептах... — я знаю! знаю! — позывные «Говорит радиостанция «Юность» — нам-парам-параварурам, — значит, через десять минут придет мама с работой... Все были живы и были молодые. Меня еще практически не было вообще. Сейчас тоже... А? И никто не знал, что за нами следят... за каждой секундой, за каждым словом унитаз, Вада? А?... Кого ты изображаешь?... Это только нам с тобой уже смешно. [Жене]. Послушай.

Жена смеется. Хочет. Вада, ага, дядягой товарищ, еще ей смешно. Я ей дал трубку. Ей смешно. Но это дурно, смеяться над отсутствующим. [Смеется]. Это дурно... Иди, открывай. Перезвони, да.

Пауза. Кладу трубку. Пауза.

ЖЕНА [пробует подражать]: «Дад-дарагой товарищ Гэрэк, Хонкэжер, друзья!»

Смеется. Потом, шепотом: Что ты? Почему ты?

Я [плачу]: Всё... все живы были... и ни о чем не надо было... и все...

ЖЕНА: Мой дорогой... Посмотри на меня, пожалуйста... Пожалуйста, ну не стесняйся, посмотри на меня. Ну хорошо, не надо, можно только я буду вот так с тобой, пожалуйста, положи руку... так... я буду дышать с тобой, как ты, так я, тебе не будет тяжело, — меня нет, нет, — вот так.

Шум проспекта за окном. Сирена проезжает. Стуки топоров.

Базар елочный строить начали. Видел, да? [Пауза]. Ивьяныч опять ругаются. Слышишь?... Дорогой мой, я тебя оченю...

Телефонный звонок, громче ее голоса. мой хороший, если бы ты...

Телефонный звонок. дорогой мой, прошу тебя...

Телефонный звонок. сейчас прямо сейчас, теперь, уже, сейчас...

Телефонный звонок. пожалуйста, родной мой, родной мой...

Телефонный звонок. Музыка начала семидесятых из приемника. Далекий шум города.

ГОЛОС МАТЕРИ: Отойди на край подоконника. И осторожно, Бога ради. Дай мне руку. И ты отойди!

ГОЛОС РЕБЕНКА: Открывай!

Звук открывания большого окна, сильный шум улицы, голосов со двора, детские крики, лай, громче всего — капель.

ГОЛОС ОТЦА: Отойди, малыш, ветер.

Телефонный звонок. Детский бег.

ГОЛОС РЕБЕНКА: Алё! Да, здравствуйте. Да, Они заняты. Мы моем окна. Потом будем мыть в большой комнате. Потом гулять. Потом обедать. Сейчас позову.

Капель; всё тише.

1990 г. Рисунок Питера Сиса.